

«О РОДИНЕ ДУША МОЯ БОЛИТ...»

Василий Иванович Белов... Русский классик, огромное имя, без которого существование сегодняшней литературы немыслимо. Но далеко не всем известно, что Василий Белов начинал свой путь в литературе как поэт. Первые две его книги — стихотворные сборники «Деревенька моя лесная» и «О чем поет гармонь» — вышли в начале шестидесятых. Вскоре его талант возрос мощной, светлой, поэтичной русской прозой, которую сейчас знает каждый читатель. С середины шестидесятых лирика Белова печаталась только в периодике («День поэзии», «Север», «Литературная Россия», «Наш современник» и др.), и сейчас отыскать публикации девяностых и нулевых, не говоря о более ранних подборках, довольно непросто. Публикующиеся сегодня стихотворения В.И. Белова дают нам редчайшую возможность заглянуть в лабораторию творца и попытаться понять, что не смогло войти в его произведения, написанные в других жанрах, но потребовало именно поэтического воплощения.

Поэтический голос Василия Белова — чистый, ясный. Как поэт он работает в русле глубинной русской классической традиции. Его крепкий, корневой традиционный стих — словно бы одно из порождений значительно позже им же воспетого русского крестьянского лада. Многовековой нерушимый ритм крестьянской жизни входит в строку уже на уровне звука и музыки:

Поле вспахано — сей,
Потянулся — бери,
Замахнулся — так бей,
Намекнул — говори!

Эти простые слова будто исходят из вековых пластов русского бытия, так они органичны по форме и сути, так безыскусны и точны. Уже в ранних стихах Белова — тончайшее восприятие родной природы, он — художник, точно подмечающий мельчайшие детали и умеющий хранить и беречь лирическое чувство, ощущать зыбкую тишину родины и безмолвную речь всего живого. Вологодский пейзаж в лирике Белова близок к пейзажу, возникающему в его прозе, и вместе с тем — отчетливо перекликается с рубцовским поэтическим пейзажем: те же леса, те же деревеньки и церквушки над рекой, те же элегическая интонация и пронзительное лирическое чувство, та же всеобъемлющая и неизбывная любовь к России:

Веселая страна,
Тебе нужна твоя пора покоя,
Укутывайся снежной телогрейкой,
Дыши глубоко свежими ветрами,
Пусть отдохнут от летней канители
Родимые ложбины и бугры.
А я боюсь покоя своего...

При чтении этих стихов неизбежно вспоминаешь знаменитые строки большого русского поэта Николая Рубцова:

Привет, Россия — родина моя!
 Как под твоей мне радостно листвою!
 И пенья нет, но ясно слышу я
 Незримых певчих пенье хорвое...

Собственно, самых близких ему по поэтическому ладу поэтов Белов называет сам: Николай Рубцов и Станислав Куняев. Но удивительно близкое к Рубцову по элегической интонации и органичности стихотворение, посвященное С.Ю. Куняеву, все же говорит о другой реальности:

О Родине душа моя болит.
 Она скорбит по вырубленным сечам,
 по выкачанным недрам и названиям
 засохших рек и выморочных сёл.

Белов — не простой созерцатель своей родины. Как и всякий мирный пахарь, увидевший врага, он — борец, солдат, «певец во стане русских воинов», и боль и трагедия разрушаемой и поруганной России неизбежно становится его болью. Как и всякий человек, родившийся на земле и идущий к Богу, Белов втянут в извечную битву между жизнью и смертью, добром и злом, светом и тьмой. Тема нескончаемой мировой битвы за разоряемую тысячелетнюю заповедную исконную Святую Русь, за крестьянский лад, за сами основы бытия сближает его строчки со стихами Станислава Куняева — в них появляются публицистичность, мощь, суровые и тревожные ноты, присущие речи вышедшего на битву и готового пасть за Родину солдата. Борьба вырывает Белова из элегической тишины, привносит в стихи тревожные, жесткие аккорды, но она же — расширяет горизонты мировосприятия, лепит из начинавшего с тихой лирики поэта большого гражданина и большого художника.

Поэзия по своей природе отлична от иных родов литературы. В настоящей поэзии, как в зерне, в свернутом, сжатом виде концентрируется огромная энергия жизни и любви, поэтическая строка способна вместить и сохранить невероятный объем чувств, а поэтические образы несут в себе поистине неисчерпаемую информацию. Но — «глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает, аще же умрет, мног плод сотворит» (Евангелие от Иоанна). Думаю, что стихи Василия Белова, представленные сегодня на страницах журнала «Москва», и есть те бесценные поэтические зерна, давшие много плода, ибо из энергии любви, сжатой в их строчках, выросли и прекрасная, мудрая проза, и драматургия, и критика и эссеистика Василия Ивановича Белова.

Наталья ЕГОРОВА